

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

СМЕРТЬ С ТВОИМ ЛИЦОМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Смерть с твоим лицом / Евгений Сухов. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248394-3

1948 год. Казань. В своей квартире выстрелом из пистолета убит начальник отдела снабжения треста хлебопекарной промышленности Фрунзик Казарян. Уходя, убийца прихватил драгоценности, нажитые хозяином явно нечестным путем. По словам соседа, он встретил Казаряна в день убийства, выходящего из подъезда, а поднявшись наверх, обнаружил в незапертой квартире того же Казаряна, но уже без признаков жизни. Майор милиции Виталий Щелкунов делает вывод, что преступник ловко воспользовался внешним сходством с убитым. Или подделал его? Вскоре догадка сыщика получает неожиданное и страшное объяснение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248394-3

© Сухов Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Часть I

ДЕЛО С ИЗЮМИНКОЙ

Глава 1

РАЗГОВОР С ПОДПОЛКОВНИКОМ ФРИЗИНЫМ. 1948 ГОД, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДЕКАБРЯ

Этот декабрьский пасмурный день выдался изрядно холодным. Свинцовое мрачное небо затянула густая стая перистых облаков, через которые слабо проникал солнечный свет, что лишь усиливало стужу и сырость. Радовало лишь отсутствие сильного ветра, столь типичного для этого времени года.

Фрунзик Рубенович Казарян (начальник отдела снабжения республиканского треста Главного управления хлебопекарной промышленности «Росглавхлеб») еще с утра почувствовал себя скверно. В горле першило, глотать становилось

трудно; временами накатывала слабость и донимал стылый озноб, отсутствовало всякое желание общаться с кем-либо, а потому большую часть времени Фрунзик Рубенович провел в кабинете, сидя в кресле, — отменил все запланированные встречи. К обеду болезненные ощущения резко усилились: невыносимо разболелась голова, а в глазных орбитах так сдавливало, как будто кто-то неведомый, поселившийся в его черепной коробке, всерьез надеялся выдавить ему изнутри глазные яблоки. Временами свет перед ним мерк, и он видел перед собой лишь размытые образы.

Во втором часу дня товарищ Казарян, сказавшись больным, отправился домой. Новенькая «Победа» (всего-то месяца полтора назад полученная в числе трех в распоряжение треста) довезла его до трехэтажного желтого дома на улице Гоголя близ Лядского сада, в котором он проживал последние три года, что составляло предмет его тайной гордости. Этот дом был одним из красивейших в городе — с высокими окнами, выполненный в стиле модерн, с обилием декоративных элементов и с богатой лепниной, — и разительным образом отличался от зданий, стоявших по соседству. До революции строение принадлежало богатому казанскому купцу Чукашеву, владевшему в городе

несколькими магазинами. Здание использовалось как доходный дом: на первом этаже размещалась аптека Шварца (самая именитая в городе), а квартиры на втором этаже сдавались состоятельным людям (место красивое, рядом Лядской садик, до центра рукой подать).

Отпустив машину, Казарян направился к аптеке, чтобы купить медикаменты, но аптека закрылась на обеденное время. Посетовав на неудачу, тяжело ступая, он вошел в дом через парадный вход и стал подниматься по винтовой лестнице на второй этаж, придерживаясь за металлические перила. Поднявшись на лестничную площадку, он открыл дверь своим ключом и вошел в прихожую размером с волейбольную площадку.

Фрунзику Рубеновичу досталась лучшая квартира в доме, она выигрывала не только своей огромной площадью (что само по себе приятно), но еще и внутренней отделкой. В каждой комнате стояли изразцовые печи небесного и светло-зеленого цветов, архитектурная керамика на каминах выполнялась вручную. На квартиру претендовали три человека из администрации республики, и Казаряну пришлось расстаться с крупной суммой, чтобы окончательное решение было принято в его пользу.

За вестибюлем располагались три комнаты. Из огромного зала имелся выход на балкончик, откуда открывался великолепный вид на Лядской сад, а еще имелись кухня, туалет, а также ванная комната, о чем могло только мечтать большинство жителей Казани. Так что о потраченных деньгах жалеть не стоило, они уже окупились многократно.

Фрунзик Рубенович снял пальто, сунул ступни в мягкие тапочки и направился на кухню, чтобы поставить на плиту чайник. При острой простуде он всегда заваривал крепкий индийский чай, после чего маленькими глотками проглатывал раскаленную жидкость и заедал ее липовым медом. Обычно народное средство помогало, он очень надеялся, что и в этот раз чай принесет ему облегчение. Уже проходя мимо зала, он через неплотно затворенные двери вдруг слышал какой-то неясный шум, напоминающий не то легкий шорох переворачиваемых страниц, не то сминание или разрывание бумаги.

— Марине, это ты уже пришла? — удивленно произнес он и, распахнув дверь, вошел в просторный зал. То, что он увидел, заставило оцепенеть. Стол, стоявший прежде посередине комнаты, теперь валялся опрокинутым и с открученными

ножками, а в открытых ящиках комода неспешно и как-то очень по-хозяйски копошился... не кто иной, как он сам! Что за наваждение! Фигура, плечи, профиль с хищным носом — все было его! Даже родинка на подбородке! Казарян на секунду зажмурился, стараясь избавиться от видения, но оно никуда не пропадало. Не мог же он сойти с ума во время простуды!

Фрунзик Рубенович, приоткрыв от удивления рот, непроизвольно сделал шаг вперед, чтобы понять, в чем тут дело, и в этот момент неизвестный, интересовавшийся содержимым его комода, мгновенно выхватил из наружного кармана пиджака пистолет и нажал на спусковой крючок. Гулко прозвучал выстрел. Пуля вошла в левую сторону груди Казаряна, и он молча с громким стуком упал на паркет. Его крупные, слегка навывкате темно-карие глаза немигающе и удивленно взирали в потолок. Он умер, не успев понять, что же произошло...

* * *

Виталий Викторович, достав из ящика несколько чистых листов бумаги, принялся писать еженедельный отчет. Следовало отразить

статистику преступлений и правонарушений за последние дни, которая совсем не радовала. С отменой смертной казни в мае 1947 года криминальная ситуация в городе резко ухудшилась. Особенно часто стали использовать огнестрельное оружие, которое привозили с фронта с собой фронтовики: кто в качестве сувенира, а кто для осуществления преступных замыслов. В рост пошли разбойные нападения, грабежи, квартирные кражи. Следовало принимать чрезвычайные меры, которые могли бы сбить волну преступности.

На письменном столе нетерпеливо задремал телефон. Отложив в сторону ручку, майор Щелкунов поднял трубку и произнес:

— Слушаю.

— Виталий, давай зайти ко мне, — услышал он голос начальника уголовного розыска города подполковника Фризина.

— Есть, — ответил Виталий Викторович.

Сложив исписанные листы в стопку, Щелкунов открыл сейф, положил их на полку, после чего закрыл дверцу и вышел из кабинета.

Когда Виталий Викторович вошел в кабинет Фризина, тот сидел за столом и смотрел на него с некоторой тревогой, что никак не вязалось

с жестковатым и отнюдь не сентиментальным характером Абрама Борисовича.

— Что случилось? — поинтересовался майор Щелкунов, пытаясь понять, что означает взгляд начальства.

— Убийство, — посмотрел в сторону подполковник Фризин, что еще больше насторожило Виталия Викторовича.

— Что именно произошло? Разбой, налет? — стал задавать уточняющие вопросы майор Щелкунов. — Вооруженное нападение? Орудовала банда или одиночка?

— Не думаю, что банда, — в некоторой задумчивости произнес начальник уголовного розыска, обратив наконец взор на начальника отдела по борьбе с бандитизмом. — Как мне тут доложили, в собственной квартире час назад убили начальника отдела снабжения республиканского треста Главного управления хлебопекарной промышленности «Рославхлеб» Казаряна.

— Абрам Борисович, а почему ты меня дергаешь? — хмуро посмотрел майор Щелкунов на своего непосредственного начальника. — Это дело, скорее, надо обэхаэсникам передавать. Это их прерогатива, вот пусть они и копают... Наверняка здесь без воровства не обошлось. А потом,

одна квартира Казаряна чего стоит! Как он ее получил? За какие такие заслуги? А у меня сейчас забот — во! — резанул ладонью себе по горлу Виталий Викторович.

Поднявшись, подполковник Фризин подошел к окну. Некоторое время он всматривался в сад «Черное озеро», засыпанный снегом, а потом, повернувшись, произнес:

— Уже не первый год живу в Казани, а все никак не могу привыкнуть к этим холодам. В Одессе сейчас минус три градуса, а тут у вас под минус тридцать будет! Похоже, что в Казани люди закаленнее будут, некоторые даже шапок не надевают... Как-то решил пешком пройтись, и смотрю — на трамвайной остановке дядька крупный стоит, женщину какую-то провожает. А на нем всего-то одна рубашка и ворот до самого пуза расстегнут. Вроде бы и не пьяный... И от всей его фигуры пар по сторонам расходится. У меня уши от лютого холода замерзли, а ему хоть бы что! Простоял он так минут пятнадцать! Дождался трамвая, посадил свою барышню, помахал ей ручкой, закурил папироску и не спеша к дому потопал.

— Абрам Борисович, ведь именно с Поля Ершова Сибирь начинается. Еще до революции у въезда в город стояла высокая арка, сложенная

из красного кирпича, а наверху этой арки было написано «Сибирь», — уточнил майор Щелкунов.

Биография у подполковника Фризина была самая что ни на есть революционная. Его отец, профессиональный революционер, за свою деятельность был сослан на каторгу в Сибирь. После Октябрьской революции отец вернулся совершенно больным и, промучившись четыре года, умер от чахотки в Кривом Роге, откуда был родом; не прошло и трех месяцев, как следом за ним отправилась и матушка.

Абрам с братом и еще двумя сестрами воспитывался в детской колонии Юзовки, и когда ему минуло десять лет, он выпустился из приюта. Некоторое время Абрам работал у кулака, дальше коногоном на шахте в городе Сталин¹, длительное время трудился строителем в Луганске. В 1930 году по комсомольской путевке его направили в уголовный розыск Одессы. В этом же году Фризин принимал участие в разгроме банды Яшки Корей-

¹ Донецк (до 1924 г. — Юзовка, до 1929 г. — Сталин, до 1961 г. — Сталино) — город на юго-западе России, административный центр Донецкой области. Расположен на реке Кальмиус. 30 сентября 2022 года возвращен в состав России.

ца в одесских катакомбах. Отметив сметливость молодого комсомольца, Абрама Фризина командировали в Зиновьевск¹ в качестве оперуполномоченного для внедрения в одну из самых дерзких банд города «Черные маски». Не единожды Абрам Борисович находился на грани разоблачения, и только смекалка, пытливый ум и невероятное хладнокровие позволили ему избежать жестокой расправы.

После удачно проведенной операции Фризина назначили уполномоченным отдела уголовного розыска Кривого Рога. Вскоре состоялся его перевод в Днепродзержинск на должность старшего оперуполномоченного. А с началом войны Абрама Борисовича направили начальником оперативно-го отряда на Северный Кавказ, где он принимал участие в ликвидации банд, орудовавших в тылу войск Северо-Кавказского фронта. В начале 1943 года Фризина, как особо опытного сотрудника, командировали в НКВД ТАССР на должность начальника отдела по борьбе с хищениями

¹ С 1752 по 1924 год назывался Елисаветград, а в 1924 году было выбрано название Зиновьевск, которое в 1934 году было изменено на Кирово, а пять лет спустя преобразовано в Кировоград.

социалистической собственности в Казани. Через четыре года он вновь пошел на повышение, уже в качестве начальника уголовного розыска города Казани.

Повернувшись к майору Щелкунову, продолжавшему простаивать в ожидании, заговорил:

— К чему я все это растолковываю... Если ты сибиряк, так чего же тебе на трудности жаловаться? Мне прекрасно известно, насколько ты загружен, — примирительно произнес Абрам Борисович (Щелкунову даже показалось, что начальник посмотрел на него как-то жалостливо). Потом он немного помолчал и добавил: — Но никто, кроме тебя, в этом деле не разберется по-настоящему. Видишь, как я тебе доверяю, — добавил подполковник Фризин. — А ты артачишься...

— Я, конечно, ценю твое доверие...

— Вот такой разговор мне уже нравится, — заметно повеселел Абрам Борисович и, слегка хлопнув Виталия Викторовича по плечу, добавил: — Так что — приступай!

— Неужели все настолько плохо, — вскинул взор на начальника УГРО майор Щелкунов, — что не могут без меня разобраться?

— Не драматизируй! Не то чтобы плохо, — опять посмотрел в сторону подполковник Фри-

зин. — Просто как-то все запутано в нем. Много всего непонятного. — Вернувшись к столу, он сел на прежнее место, для какой-то надобности взял фарфоровую пепельницу, посмотрел на нее со всех сторон, как если бы разглядывал на боковых сторонах замысловатые кривые линии, после чего аккуратно установил ее на прежнее место. Неделю назад пепельница была полна окурков от «Казбека», который он предпочитал всем остальным маркам папирос, выкуренных до самого патрона (в управлении Абрам Борисович прослыл как заядлый курильщик), а сейчас пепельница представляла собой образчик первозданной чистоты. Фризин не курил уже неделю, жалуясь на тупую боль в левой стороне груди, но Щелкунов, будучи курильщиком с довоенным стажем, прекрасно осознавал, какой воли требует подобное воздержание. — Выявилось много деталей, которым невозможно найти вразумительного объяснения... Вот мы на тебя и надеемся, что ты сумеешь нам прояснить, что там происходило в действительности. И вообще — это дело с какой-то подоплекой... В общем, приедешь на место, сам все и увидишь...

— А сам не можешь разъяснить хотя бы в двух словах? — настаивал Виталий Викторович.

— В двух словах не получится, — уже твердо ответил начальник уголовного розыска города. — Я же тебе сказал: приедешь на место преступления, сам все увидишь и узнаешь. Более ничего сказать не могу, потому как мне известно не больше твоего. Короче — ты берешь это дело. — Щелкунов поднял брови, хотел еще что-то произнести, но подполковник Фризин, предполагая, что это может быть возражение, высказаться не дал, завершил разговор твердо: — Вопрос решенный!

Глава 2

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ В ПОЛОСАТОЙ ПИЖАМЕ

Улица Гоголя — одна из самых спокойных и интеллигентных улочек города (если можно так выразиться): в дореволюционное время на ней предпочитали селиться дворяне, преподаватели университета, а вот в советское время ее выбирали люди искусства — актеры, писатели, а также крупные чиновники. Улица имела свои истории и легенды, выгодно отличавшие ее от остальных мостовых и переулочков. Некоторые сказания были связаны с «буревестником революции» Мак-

симом Горьким. который какое-то время работал в конце улицы садовником и дворником у генеральши Корнэ. Француженка, скверно разговаривающая по-русски, была женщиной грубой, сумасбродной, но умевшая ругаться прилюдно не хуже ломового извозчика, она наводила страх на всех соседей и домашних, а пребывая в крепком подпитии, заставляла молодого Пешкова выгонять из сада девушек-сирот, которых сама же и приютила.

Летом улица Гоголя выглядела цветущей и зеленой. Куда ни глянь — сплошная благодать! А зимой представляла заснеженной и торжественно-безмолвной. На ней никогда и ничего не происходило драматического, жизнь на улице протекала размеренно, шла своим чередом без каких-либо аффектов и ажиотажа. И вот на тебе — убийство! И кого! Человека значительного, занимающего высокую должность в республиканском тресте «Росглавхлеб». Через его руки проходили продукты, предназначенные для всех регионов республики!

Когда группа майора Щелкунова прибыла на место преступления (группа состояла из четырех человек: это он сам, начальник отдела по борьбе с бандитизмом, судмедэксперт, экс-

перт-криминалист и следователь), первое, что они увидели, это перевернутый стол с вывинченными ножками, труп мужчины (примерно лет тридцати пяти) и участкового с постовым милиционером. За ними, не смея подойти поближе, стояли несколько любопытствующих — наверняка жильцы из соседних квартир.

— Ни к чему не прикасались? — спросил Щелкунов.

— Как можно, товарищ майор, ведь не первый год в милиции, — едва не обиделся на Виталия Викторовича пожилой участковый уполномоченный. — Как приехали, так следим за всем и никого сюда не пускаем...

— Это правильно, — доброжелательно сказал милиционерам Виталий Викторович. — А то знаете, как оно нередко случается... Всем интересно, что произошло по соседству, хочется глянуть... Затопчут все следы на месте преступления, пальцами все залапают, а потом ищи-свищи улики и доказательства... Кто обнаружил труп? — неожиданно перевел разговор в деловое русло майор Щелкунов.

— Первым я увидел, — высунулся из-за спины постового милиционера горбоносый рослый мужчина в полосатой пижаме, похожей на робу катор-

жанина (не хватало только шапочки). Вряд ли он полагал, что в этом наряде выглядит комично. — Иду я, значит...

— Погодите, погодите, — остановил речь мужчины в пижаме Виталий Викторович. — Давайте начнем сначала. Представьтесь, пожалуйста. Как ваша фамилия, имя и отчество? И кем вы приходитесь покойному Казаряну?

— Да, конечно... Зовут меня Огольцов Вениамин Демьянович, — энергично отрапортовал мужчина в полосатой пижаме. — Товарищу Казаряну я прихожусь соседом. Моя квартира по левую руку от него.

— Слушаю вас, Вениамин Демьянович, — промолвил майор Щелкунов и достал памятную (записную) книжку. — Итак... — выжидающе посмотрел на горбоносого мужчину в полосатой пижаме Виталий Викторович.

— Итак, я поднимаюсь на второй этаж нашего дома — как я уже сказал, моя квартира находится слева от квартиры Казарянов — и вижу, что соседская дверь приоткрыта, — начал давать показания свидетель Огольцов. — Незаперта то есть. Мне это показалось очень странным. Обычно хозяева всегда дверь закрывали. Хоть район и благополучный, но знаете, как оно бывает...

— Знаю, — сдержанно подтвердил Щелкунов, — продолжайте.

— Я подхожу и громко так в пространство между косяком и дверью говорю: Марине Арсеновна, мол, у вас дверь незаперта! И что слышу в ответ? Полнейшее молчание! Я еще раз, уже громче: «Марине Арсеновна, у вас дверь открыта!» По-прежнему мне никто не отвечает...

— А почему вы звали Марине Арсеновну? — задал вполне резонный вопрос майор Щелкунов. — А, скажем, не Фрунзика Рубеновича? Ведь все-таки он хозяин квартиры, а потом, и мужчина.

— Так он в это время всегда на работе, — последовал ответ, который начальнику отдела по борьбе с бандитизмом показался почему-то не заслуживающим доверия.

— А супруга что, не работает?

— Она домохозяйка, — прозвучал ответ.

— Ясно... А где она сейчас, вы не знаете?

— Нет.

— Понятно, — черкнул карандашом в записной книжке Виталий Викторович и добавил: — Продолжайте, пожалуйста. Значит, вы позвали супругу хозяина квартиры...

— Да... Никто, стало быть, не отвечает, — продолжил Вениамин Демьянович. — Я заволновал-

ся, думаю, не случилось ли чего. Приоткрываю дверь пошире и осторожно так вхожу в прихожую. Прохожу ее, и что я вижу в зале? А вижу я перевернутый стол с оторванными ножками, комод с раскрытыми ящиками, будто в них кто-то копался, и... — свидетель как-то странно округлил глаза, добавил: — Фрунзика Рубеновича. Он лежит на спине и удивленно так смотрит в потолок. И под ним растекается лужица крови... — Огольцов перевел дух и продолжил: — Я осторожно подошел к... Казаряну. А он мертвый уже. Вот так оно все было. Горестно осознавать случившееся... Еще вчера мы с ним на лестнице встретились, о каких-то пустяках переговаривали, думали, что вся жизнь впереди, а оно вот как сложилось, — вскинул на Виталия Викторовича взгляд сосед-свидетель, заканчивая свое повествование. — «Скорую помощь» я вызывать не стал, посчитал, что незачем... И сразу позвонил в милицию. У меня ведь в квартире телефон...

— Все? — поинтересовался майор Щелкунов. — Ничего не упустили?

— Вроде бы все, — не сразу и как-то нерешительно промолвил Вениамин Демьянович.

— Тогда... — Виталий Викторович огляделся и, заметив следователя Зинаиду Кац, кивнул